

США: новые реалии

Особенности национальной противоракетной обороны

Алексей Георгиевич АРБАТОВ

академик РАН, доктор исторических наук, руководитель Центра международной безопасности, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: arbatov@imemo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Арбатов А.Г. (2018) Особенности национальной противоракетной обороны // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 6. С. 6–20. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-6-20

АННОТАЦИЯ. *В основе стратегических отношений Москвы и Вашингтона вокруг проблемы ПРО долгое время лежал принцип, сформулированный в конце 1960-х годов, согласно которому противоракетные системы для защиты территории считались дестабилизирующими, а их ограничение укрепляло стратегическую стабильность. С тех пор и по сей день СССР и Россия придерживались этого принципа, а США периодически отходили от него в 1980-е годы (проект СОИ) и окончательно отказались к настоящему времени.*

При этом возможность нынешней и прогнозируемой ПРО США сколько-нибудь заметно воздействовать на потенциал российского ядерного удара большинство независимых ведущих экспертов оценивают как крайне незначительную. Однако односторонний выход США из Договора по ПРО в 2002 г. подрвал доверительные политические отношения между Москвой и Вашингтоном. Противоречия усугубляются и нежеланием США предоставить России юридические обязательства ненаправленности против нее американской системы ПРО (в частности, ограничение ее технических параметров). Это тем более так, поскольку ПРО США развивается как система,

расширение и совершенствование которой не имеет никаких ограничений.

Ответом России на создание национальной ПРО США стала модернизация стратегических ядерных сил и создание собственной системы воздушно-космической обороны (ВКО).

Различие в подходах к построению систем ПРО в США и ВКО в России состоит в том, что американская система предназначена для обороны от ограниченных ударов межконтинентальными баллистическими ракетами по североамериканскому континенту и ракетами средней дальности по территориям ближайших союзников США в Европе и Тихоокеанском регионе. Российская ВКО представляет собой эшелонированную систему, предназначенную для защиты от длительной наступательной операции США (НАТО), ведущейся с применением обычного высокоточного оружия (включая в будущем гиперзвуковые системы и орбитальные средства), а также с ограниченным применением ядерного оружия.

Несмотря на длительное отсутствие содержательного российско-американского диалога по проблеме ПРО, еще остается возможность для достижения конструктивных договоренностей.

Возможное продолжение переговоров России и США по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений открыло бы окно для достижения компромисса и по ПРО.

В основе такого решения может лежать согласованный пороговый уровень для разграничения между, с одной стороны, системой ПРО, которая способна ощутимо повлиять на стратегическую стабильность за счет способности перехватывать большое число американских или российских МБР и БРПЛ, и с другой стороны – системами обороны, которые позволят России и США защититься от ударов третьих государств и экстремистских режимов и укрепят их обоюдную безопасность. Первая категория будет подлежать ограничению, а второй дадут «зеленый свет». Более того, применительно к обороне второго класса вновь открывается возможность сотрудничества в развитии элементов систем ПРО двух держав, что было декларировано в 2002 г., но так и не воплотилось в жизнь до настоящего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПРО, воздушно-космическая оборона, стратегическая стабильность, переговоры по ограничению и сокращению стратегических вооружений, кризис контроля над стратегическими вооружениями, внешняя политика

В современной внешней и военной политике России, а также в тематике стратегических исследований найдется немного проблем, занимающих столь важное место, как противоракетная оборона (ПРО) США и их союзников. Эта тема периодически выходит на передний план, как случилось и в на-

шумевшем Послании Президента России Владимира Путина Федеральному собранию 1 марта 2018 г.¹ Гораздо реже обсуждается российская система и программа ПРО, хотя она тоже является неотъемлемым элементом глобального и регионального военно-стратегического баланса, наряду с наступательными вооружениями ведущих держав и третьих стран.

В настоящей статье представлен сравнительный анализ этих систем и программ в сочетании с наступательными стратегическими системами и программами сторон, их военными доктринами и позициями на переговорах по контролю над вооружениями.

Угроза ПРО США – российский взгляд

Москва рассматривает систему ПРО США и их союзников как одну из основных военных угроз национальной безопасности России. Как известно, американская наземная система противоракетной обороны на среднем участке полета (Ground Based Mid-Course Defense, GBMD) помимо обширной сети пунктов управления, связи и разведки включает 44 ракеты-перехватчика наземного базирования (ГБИ, Ground Based Interceptors, GBI) – стратегические ракеты-перехватчики большой дальности, размещенные на Аляске и в Калифорнии и предназначенные для защиты от единичных или ограниченных ударов с применения МБР против США со стороны Ирана, Северной Кореи и потенциально других государств (например, КНР). При республиканской администрации число развертываемых перехватчиков может быть уве-

1 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

лично до 64 или даже 104 (по проекту Конгресса) единиц².

Дополнительно для перехвата ракет на среднем и конечном участках полета развертываются ракетные системы Standard (SM-3 Block-IA) на кораблях в Средиземном море, ракеты-перехватчики SM-3 (Block-IB) с улучшенными характеристиками в Румынии, усовершенствованная версия перехватчика SM-3 (Block-IIA) в Польше и, возможно, в будущем на кораблях в северных морях вокруг Европы. Все эти средства предназначаются для защиты европейских союзников США от ограниченных ударов баллистических ракет средней дальности [Уилкенинг 2012].

Следует отметить, что применительно к размещению системы ПРО в Румынии и Польше российская сторона несколько лет назад обоснованно подняла вопрос о возможном нарушении советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) от 1987 г. Как известно, перехватчики типа SM-3 размещены на боевых кораблях США в универсальных пусковых установках типа Mk-41, в которых также устанавливаются крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) средней дальности типа «Tomahawk» с обычными боеголовками. В стратегическом отношении вероятность тайного развертывания наступательных ракет вместо оборонительных средств в Румынии и Польше весьма сомнительна³. Тем не менее без дополнительного соглашения по верификации Россия не будет иметь технической возможности убедиться, что под видом системы ПРО в Европу не

возвращаются наступательные вооружения, запрещенные по ДРСМД, и что они не оснащаются ядерными боеголовками.

Заявленное в октябре 2018 г. намерение США выйти из этого договора придает российским опасениям повышенную политическую весомость. Крах ДРСМД может повлечь новый раунд гонки наступательных и оборонительных вооружений средней дальности в Европе и Азии с опаснейшими военно-политическими последствиями и большими экономическими издержками. Впрочем, это является темой отдельного исследования.

Что касается противоракетной тематики, то, по свидетельству некоторых руководителей ведущих российских центров ракетостроения [Юрий Соломонов 2011, с. 85–86], эта система США/НАТО обладает ограниченными возможностями противодействия российским стратегическим силам, оснащенным эффективными средствами преодоления ПРО. Такое мнение разделяют многие независимые российские и американские эксперты в области обороны и безопасности, которые считают, что система противоракетной обороны США/НАТО ни в ее существующем, ни в прогнозируемом виде не может ослабить российский стратегический потенциал ответно-встречного и даже глубокого ответного удара⁴.

Тем не менее руководство России настаивает на том, что ПРО США подрывает российский потенциал ядерного сдерживания и двустороннюю стратегическую стабильность, а потому является основным препятствием для пе-

2 H.R. 2810 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018, 115th Congress (2017) // Congress.gov, December 12, 2017 // <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2810/text>, дата обращения 30.11.2018.

3 В частности, такие наступательные ракеты в стационарных поземных пусковых установках были бы крайне уязвимы для российского упреждающего удара с использованием как ядерных, так и высокоточных обычных средств. Напомним, что даже в начале 1980-х гг. США начали развертывание таких систем в Европе на мобильных пусковых установках.

4 Рогов С.М., Есин В.И., Золотарев П.С., Кузнецов В.С. (2012) 10 лет без Договора по ПРО // Независимая газета. 7 июня 2012 // http://www.ng.ru/politics/2012-06-07/3_kartblansh.html, дата обращения 30.11.2018.

реговоров по следующему договору СНВ. В начале первого президентского срока Владимира Путина, в 2002 г., несмотря на выход США из Договора по ПРО), была подписана совместная Декларация России и США, в которой стороны обязались «изучить возможные направления сотрудничества в области противоракетной обороны, в том числе... возможные программы совместных исследований и разработок в области технологий ПРО»⁵.

В течение следующих десяти лет, несмотря на возражения российской стороны и вопреки духу Декларации 2002 г., США отказались всерьез рассматривать возможность создания совместной системы противоракетной обороны или принимать на себя «юридические обязательства» (предполагающие технические ограничения), которые позволили бы гарантировать, что их система ПРО не предназначена для перехвата российских ракет.

Когда в июле 2015 г. был подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе, а программа развертывания ПРО США так и не была ограничена, Путин достаточно жестко заявил на совещании Валдайского форума 2015 г. в Сочи: «Под предлогом ракетно-ядерной угрозы со стороны Ирана, как мы знаем, разрушена фундаментальная основа современной международной безопасности – Договор об ограничении противоракетной обороны. США в одностороннем порядке из него вышли. Сегодня, кстати, иранская ядерная проблема решена... Причина, вроде бы побудившая наших американ-

ских партнеров строить систему противоракетной обороны, исчезла. И мы вправе были бы ожидать, что и работа над развитием ПРО США прекратится. А что на самом деле? Ничего подобного не происходит, наоборот – все продолжается... Нас, да и весь мир, пытались в очередной раз ввести в заблуждение просто. А сказать совсем попросту – обманывали»⁶. Американский довод о том, что СВПД не затрагивает ракетную программу Тегерана и потому объект для перехвата противоракетной системой не исчез, в Москве был воспринят как очередной предлог для продолжения развертывания ПРО против России. Отказ США от СВПД в 2018 г. и вероятность возобновления ядерной программы Ирана в полном объеме едва ли убедят Москву в обоснованности американской системы ПРО.

Впрочем, позиция российского руководства по американской ПРО продиктована не только политическими, но и стратегическими мотивами. Примерно с 2012 г. в России формировалась концепция, согласно которой у США есть замысел обесценить (или, как иногда говорят, «обнулить») российский потенциал ядерного сдерживания с помощью сочетания высокоточных наступательных систем обычных вооружений большой дальности, способных наносить обезоруживающий удар, и неядерных противоракетных систем для отражения ослабленного ответного удара со стороны России⁷. Согласно этой концепции, основным преимуществом обычного наступательного потенциала является низкий побочный ущерб его применения, что теоретически должно удерживать

5 Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки (2002) // Сайт Президента России. 24 мая 2002 // <http://kremlin.ru/supplement/3477>, дата обращения 30.11.2018.

6 Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2015) // Сайт Президента России. 22 октября 2015 // <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>, дата обращения 30.11.2018.

7 Иванов П. (2018) День длинных кинжалов // Военно-промышленный курьер. № 11(724).

подвергшуюся нападению со стороны от ответного ядерного удара, за которым последует сокрушительный ядерный залп агрессора.

В 2014 г. президент Путин описал основания для обеспокоенности Москвы в связи с новыми системами оружия: «Сегодня многие виды высокоточного оружия по своим возможностям уже приблизились к оружию массового поражения, и в случае отказа, полного отказа от ядерного потенциала или критического снижения его объемов страны, обладающие лидерством в создании и производстве высокоточных систем, получают явное военное преимущество. Будет сломан стратегический паритет, а это чревато дестабилизацией. Возникает соблазн использования так называемого первого глобального обезоруживающего удара. Словом, риски не снижаются, а возрастают»⁸. Заместитель председателя правительства того времени Дмитрий Рогозин заявил (сославшись на неизвестную компьютерную игру Пентагона), что с помощью 3000–4000 единиц американских высокоточных вооружений можно в течение шести часов уничтожить 80–90% стратегических сил России, в результате чего «государство лишится возможности сопротивляться»⁹.

Этот потенциал, как считается, дополняется внушительными средствами обороны, которые Владимир Путин подробно описал в своем послании в марте 2018 г.: «Несмотря на наши многочисленные протесты и призывы, американская машина заработала, конвейер пошел. Действуют уже системы ПРО на Аляске и в Калифор-

нии, как результат расширения НАТО на восток появились два района ПРО в Восточной Европе: в Румынии он уже создан, в Польше завершается развертывание. Дальность используемых противоракет будет расти, планируется развернуть их в Японии и Южной Корее. В состав глобальной системы ПРО США входит и морская группировка – это пять крейсеров и 30 эсминцев, насколько нам известно, развернутых в районах в непосредственной близости от территории России. Ничего здесь не преувеличиваю, работа и сегодня идет полным ходом»¹⁰.

Со стратегической стороны этого вопроса дело серьезно осложняется характером американской ПРО как программы «с открытым продолжением» и отказом США от каких-либо ее технических или стратегических ограничений. Такие ограничения по указанию политических лидеров могли бы быть разработаны экспертами, поскольку для устранения угрозы, которую представляют несколько примитивных ракет «государств-изгоев», нужна совершенно иная система обороны, чем для отражения российского (или даже китайского) массированного удара с применением технически совершенных ракет. В 1997 г. России и США удалось согласовать параметры разграничения систем стратегической ПРО и обороны театра военных действий (ПРО ТВД – защиты от ракет средней и тактической дальности). Однако эта договоренность так и не вступила в законную силу в связи с решением республиканской администрации США окончательно выйти из Договора по ПРО в 2002 г.

8 Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2014) // Сайт Президента России. 24 октября 2014 // <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>, дата обращения 30.11.2018.

9 Дмитрий Рогозин: Чтобы парализовать Россию, достаточно нанести 4 тыс. ударов высокоточным оружием (2013) // ТАСС. 28 июня 2013 // <http://tass.ru/arhiv/626071>, дата обращения 30.11.2018.

10 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

С тех пор выработка такого соглашения препятствовало глубокое предубеждение против любых ограничений систем ПРО американских политических кругов.

Этот вопрос остается главным камнем преткновения для выработки следующего договора по СНВ, что подтверждает и отрицательный ответ Москвы на предложение, сделанное Вашингтоном в начале февраля 2016 г., о сокращении ядерных сил на 30% (до уровня в 1000 боезарядов) в рамках следующего договора по СНВ¹¹.

Об истоках противоракетного состязания

Не вдаваясь в детальную хронологию вопроса, следует отметить, что СССР был пионером в этой области военно-технического развития, начал программу ПРО в 1953 г. и первым осуществил успешный перехват ракеты средней дальности Р-12 (SS-4 по западной классификации) в 1961 г. [Podvig 2013]. Через несколько лет было принято решение о разработке и последующем развертывании системы ПРО Московского района А-35. Ее модифицированный вариант был поставлен на боевое дежурство в 1974 г. В дальнейшем Советский Союз продолжал совершенствовать свою систему ПРО, и в 1995 г. уже в России был принят на вооружение глубоко модернизированный комплекс обороны Москвы под грифом А-135.

Соединенные Штаты с отставанием начали разработку аналогичной системы – в 1958 г. под названием «Найк-Зевс» (Nike-Zeus) для защиты нескольких районов своей территории.

С 1963 г. программа была технически основательно пересмотрена и продолжала развиваться под наименованием «Найк-Икс» (Nike-X), причем в то время США уже значительно опережали СССР в противоракетной технологии. В 1967 г. было решено принять систему на вооружение под названием «Сентинел» (Sentinel), а в 1969 г. она была переименована в «Сейфгард» (Safeguard). Один комплекс этой ПРО вокруг базы межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в штате Северная Дакота был принят на вооружение тоже в 1974 г., но через два года законсервирован (кроме радаров дальнего обнаружения и сопровождения целей). Как и советская система, американская ПРО имела ракеты-перехватчики с ядерными боезарядами.

К тому моменту две державы уже ограничили свои противоракетные системы Договором по ПРО от 1972 г., поскольку согласились относительно дестабилизирующего эффекта таких систем при их широком развертывании. Эта идея уходит корнями в 1960-е гг., а ее автором на официальном уровне был министр обороны США того времени Роберт Макнамара. В 1967 г. в своей речи в Сан-Франциско он сказал: «Действия... каждой стороны, относящиеся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывают противодействие другой стороны. Это именно тот феномен “действие – противодействие”, который питает гонку вооружений». Из этого порочного круга Макнамара указал выход: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен “действие – противодействие” делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выигра-

11 Россия исключила дальнейшие переговоры с США о ядерном разоружении (2016) // Росбалт. 7 февраля 2016 // <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/02/07/1487436.html>, дата обращения 30.11.2018.

ли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы» [McNamara 1968, pp. 51–67].

Сначала, на встрече в верхах в 1967 г. в Глассборо (штат Нью-Джерси), Москва отвергла эту логику, но через несколько лет приняла ее, и в 1972 г. идея блестяще воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1). Согласованное ограничение систем ПРО, наряду с рядом других принципов, стало основой концепции «стратегической стабильности», которую две стороны обсуждали в 1990 г. в ходе переговоров о Договоре СНВ-1, подписанном в 1991 г. В дальнейшем принципы этой концепции нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993 г.), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997 г.), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и ПРО ТВД (1997 г.), Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП от 2002 г.) и текущем Договоре СНВ (или, как его в России называют, СНВ-3 от 2010 г.).

Философия Макнамары до сих пор, вот уже полвека, остается основой отношения России к противоракетной обороне, во всяком случае американской. Соединенные Штаты периодически отходили от нее, например в 1980-е гг. в связи с программой Стратегической оборонной инициативы («Звездных войн»), и не придерживаются ее в настоящее время, отвергая возможность соглашений о разграничении систем отражения удара ракет друг друга от систем обороны от третьих стран и «государств-изгоев».

Россия: асимметричный ответ

Россия реагирует на вызов тремя различными путями: она создает новые баллистические и крылатые ракеты, оснащенные передовыми средствами преодоления ПРО; совершенствует собственную систему противоракетной обороны; развивает системы обычных наступательных вооружений большой дальности, аналогичные американским системам этого класса.

Если говорить о первом направлении, в настоящее время реализуется развертывание наземных стационарных/мобильных МБР «Ярс» (SS-27 Mode 2) с коротким разгонным участком траектории, которые могут следовать по настильной траектории и снабжены разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) и другими средствами преодоления ПРО. Параллельно реализуется программа строительства подводных лодок класса 955 «Борей», вооруженных новыми БРПЛ «Булава-30» (SS-N-32). В своем послании 1 марта 2018 г. Владимир Путин заявил: «В этой связи [в связи с американской ПРО. – А.А.] в России разработаны и постоянно совершенствуются весьма скромные по цене, но в высшей степени эффективные системы преодоления ПРО, которыми оборудуются все наши межконтинентальные баллистические ракетные комплексы»¹². С учетом соотношений стоимости-эффективности, для поддержания надежного потенциала ответного удара в обозримом будущем этого должно быть достаточно, принимая во внимание реальные возможности американской ПРО.

Однако президент Путин пошел намного дальше и анонсировал несколь-

12 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

ко новых ракетно-ядерных проектов. Один из них – это тяжелая МБР «Сармат» (SS-28) шахтного базирования, в настоящее время находящаяся на стадии испытаний; после 2020 г. она должна заменить тяжелые ракеты РС-20 (SS-18). Она будет снабжена новейшими средствами преодоления ПРО и, вероятно, гиперзвуковыми планируемыми головными частями (получившими название «Авангард»). Ракеты могут быть использованы нетривиальным способом и направлены через Южный полярный круг, чтобы поразить цели на территории США с неприкрытых радаров южных азимутов, т.е. будут представлять собой частично-орбитальные ракеты¹³.

В числе других инновационных проектов, упомянутых Владимиром Путиным в марте 2018 г., были межконтинентальная ядерная крылатая ракета «Буревестник» с атомной энергетической установкой, теоретически способная поразить, например, объекты ПРО на Аляске и в Калифорнии, и суперторпеда «Посейдон» огромной дальности, скорости и глубины погружения с атомной энергетической установкой, вооруженная ядерной боеголовкой мультимегатонной мощности (ранее именовавшаяся «Статус-6»). Уже начато развертывание новой гиперзвуковой ракеты средней дальности воздушного базирования типа «Кинжал», вероятно предназначенной для поражения американских объектов ПРО в Румынии и Польше, где размещаются ракеты Aegis Ashore¹⁴.

Пока неясно, на какой стадии разработки находятся эти вооружения (кроме систем «Сармат» и «Кинжал»), какова будет их стоимость и сколько их будет развернуто в конечном итоге. Представляется, что они избыточны для противодействия нынешней американской системе ПРО и могут пригодиться лишь в случае возвращения США к чему-то вроде СОИ 1980-х гг. Напомним, что некоторые из новых систем, о которых рассказал Путин, были изобретены в начале 1980-х гг. именно как ответ на американскую программу «звездных войн» (в частности, «Авангард», который изначально назывался «Альбатрос» или «Проект 4202», и «Статус-6»)¹⁵.

Российская система ПРО является элементом Воздушно-космической обороны (ВКО), которая в 2011 г. стала новым видом вооруженных сил. Как предполагалось, она должна была объединить, выражаясь словами президента Путина, «в единой боевой связке»¹⁶ средства противоракетной, противовоздушной и противоспутниковой обороны. В 2015 г. ВКО была объединена с Военно-воздушными силами в рамках нового вида вооруженных сил – Воздушно-космических сил (ВКС). Примечательно, что программа развития воздушно-космической обороны является крупнейшим компонентом Государственной программы вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020), на долю которого приходилось на 2011 г., когда эта программа была принята, около 20% всех расходов, т.е. около

13 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

14 Иванов П. (2018) День длинных кинжалов // Военно-промышленный курьер. № 11(724).

15 Райгородецкий А. (2011) Проект МБР «Альбатрос» (СССР) // Dogs of War. 15 августа 2011 // <http://www.dogswar.ru/oryjeinaia-ekzotika/raketnoe-oryjie/4945-proekt-mbr-qalbatros.html>; Сивков К. (2017) Разоружен и очень опасен // Военно-промышленный курьер. 22 марта 2017. № 11(675) // https://vpk.name/news/177530_razoruzhen_i_ochen_opasen.html, дата обращения 30.11.2018.

16 Расширенное заседание коллегии Министерства обороны (2014) // Сайт Президента России. 19 декабря 2014 // <http://kremlin.ru/events/president/news/47257>, дата обращения 30.11.2018.

3,4 трлн руб. (106 млрд долл. США по курсу 2011 г.)¹⁷.

Помимо модернизации систем предупреждения о ракетном нападении путем развертывания радаров наземного базирования нового типа «Воронеж/Волга» и новых спутниковых средств обнаружения ракетных пусков (Единая космическая система, которая заменит старую спутниковую систему «Око»), этой программой предусмотрено развертывание 28 ракетных полков, вооруженных системой противовоздушной обороны С-400 «Триумф» (приблизительно 450–670 пусковых установок), и 38 батальонов (300–460 пусковых установок), вооруженных комплексами следующего поколения С-500 «Прометей», аналогичными американским системам ТНААД¹⁸. Кроме того, разрабатывается версия С-500 корабельного базирования. В общей сложности планируется выпустить до 3000 ракет-перехватчиков этих двух типов, и для их производства было решено построить три завода. Для командования воздушно-космической обороной создается новая интегрированная и полностью автоматизированная система боевого управления.

Наконец, проводится замена Московской системы ПРО А-135 на модернизированную систему А-235. В ней будут использоваться ракеты-перехватчики большой дальности мобильно-наземного базирования «Нудоль» с неядерной кинетической боевой частью (т.е. с применением обычного шрапнельного заряда), которые заменяют ядерные ракеты-перехватчики системы А-135. Новые противоракеты по-

лучили обозначение 53Т6М (для ракет малой дальности) и 51Т6М (для ракет большой дальности). Последние могут также использоваться для поражения спутников на высоте до 750 км¹⁹.

Специфика российской обороны

Российская оборона, в отличие от ПРО США, не только направлена на отражение ограниченных ракетных ударов, но преследует более масштабные цели. Согласно Военной доктрине, они предполагают «своевременное предупреждение Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении», а также «обеспечение воздушно-космической обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов средств воздушно-космического нападения» [Военная доктрина Российской Федерации 2014]. Совершенно очевидно, что возможностями для нанесения таких ударов не обладает ни одно другое государство, кроме США. Таким образом, в отличие от систем ПРО США/НАТО, официально российская Воздушно-космическая оборона не предназначается для защиты от баллистических ракет проблемных режимов или третьих государств, имеющих ядерное оружие. Ее целью объявляется защита России от передовых «средств воздушно-космического нападения» США.

Этому понятию уделяется немалое внимание в специальной военной литературе, например в следующей ста-

17 Каждый пятый рубль – на ВКО (2012) // Военно-промышленный курьер. 21 февраля 2012.

18 Путин В. (2012) Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 20 февраля 2012 // <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>, дата обращения 30.11.2018.

19 Мардасов А. (2016) А-235 «Нудоль»: убийца американских МБР и спутников // Свободная пресса. 30 мая 2016 // <https://svpressa.ru/war21/article/149632/>; Тучков В. (2017) А-235 «Нудоль» – истребитель американских спутников // Свободная пресса. 19 июня 2017 // <http://svpressa.ru/war21/article/174898/>, дата обращения 30.11.2018.

тье военно-технических экспертов: «Анализ развития военно-политической обстановки в мире показывает, что в современных условиях и в ближайшей перспективе основную угрозу для Российской Федерации с точки зрения потенциальных возможностей для нанесения удара по ее ключевым объектам будут представлять средства воздушно-космического нападения (СВКН)... Само воздушно-космическое пространство станет основной, а порой и единственной сферой вооруженной борьбы, а военные действия в ней приобретут главенствующую роль и глобальный размах. В этих условиях противник получит возможность наносить скоординированные по времени и в пространстве высокоточные удары практически по всем целям на территории России, а на самом деле и по всему миру» [Демин, Ашурбейли, Богданов, Третьяков, Гареев, Фаличев 2012].

Однако какой бы впечатляющей ни выглядела эта угроза, военные аналитики почему-то обходят вопрос о том, чем представлена «космическая» составляющая «средств воздушно-космического нападения» противника (кроме систем управления, связи и разведки, обеспечивающих и другие виды вооруженных сил, или существующие баллистические ракеты, выходящие в космическое пространство на определенных участках траектории). В этой концепции остается без ответа и другой ключевой вопрос: будет ли в ходе воздушно-космической войны между Россией и США/НАТО применено ядерное оружие и ставится ли перед ВКО/ВКС задача защитить от него страну.

Очевидно, что упомянутый выше сценарий предполагает относительно продолжительную (на протяжении нескольких дней или недель) кампанию ракетных ударов США/НАТО по России без применения ядерного оружия. Для этого, вероятно, будут использо-

ваться американские крылатые ракеты большой дальности, а в обозримой перспективе – и гиперзвуковые планирующие системы, разрабатываемые в рамках программы «Быстрого неядерного глобального удара» [Acton 2013].

Упор на применение Россией стратегических оборонительных и (в качестве ответных действий) наступательных неядерных вооружений не исключает использование ядерного оружия на каком-то этапе вооруженного конфликта. В 2003 г. в официальном документе Министерства обороны России упоминались планы «деэскалации агрессии... с помощью дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания» [Актуальные задачи 2003, с. 42]. С тех пор ограниченные стратегические ядерные удары в целях «деэскалации» прямо не упоминались в российских официальных документах. Однако эти мысли регулярно просачивались в печать в работах военных специалистов Министерства обороны и его аналитических центров.

Эту стратегию разъяснила группа российских военных экспертов: «Главной особенностью считается ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам. При отсутствии желательной реакции предусматривается нарастающее массирование использования ЯО как в количественном отношении, так и по энерговыделению. Поэтому при дальнейшем анализе принимается, что первое ядерное воздействие Российской Федерации может носить ограниченный характер. Реакция противника просчитывается в форме как массированного, так и ограниченного ядерного удара. Более вероятным, на наш взгляд, можно считать второй вариант. В его пользу говорит тот факт, что США являются

страной, где родилась концепция ограниченной ядерной войны»²⁰.

Действительно, эта философия зародилась в США еще в 1960-е гг. и занимает центральное место в нынешней ядерной доктрине и программе вооружений США – в том виде, в котором они сформулированы в «Обзоре ядерной политики» США в феврале 2018 г.: «Соединенные Штаты намерены повысить гибкость и расширить диапазон специализированных опций сдерживания, оптимизированных для решения конкретных задач... Соединенные Штаты будут поддерживать целый спектр потенциалов, численность и состав которых будут отвечать потребностям США, в частности, для того, чтобы никакой противник ни при каких обстоятельствах не увидел преимуществ в ограниченной ядерной эскалации или другом варианте стратегического нападения» [Nuclear Posture Review 2018, pp. 52–53].

Несмотря на упомянутые неясности российской концепции Воздушно-космической обороны, она служит основанием практической политики. В июне 2013 г. во время посещения завода по производству зенитных ракет президент Путин заявил: «Эффективная ВКО – это гарантия устойчивости наших стратегических сил сдерживания, прикрытия территории страны от воздушно-космических средств нападения»²¹.

Таким образом, задачи стратегической обороны, которые на сегодняшний день постулирует Россия, можно обобщить следующим образом.

- Во-первых, защита стратегических ядерных сил и их информационно-управляющего комплекса от ударов США/НАТО с применением крылатых ракет, самолетов и

перспективных гиперзвуковых вооружений в обычном оснащении.

- Во-вторых, оборона объектов, имеющих ключевое значение для экономики, от трех вышеуказанных видов наступательных систем. Оба указанных типа наступательных операций США соответствуют их стратегии «обычного (неядерного) сдерживания» (которая в России получила название «воздушно-космическое нападение»).
- В-третьих, защита высших органов руководства в районе Москвы от нападения с применением упомянутых систем оружия и отражение в максимально возможном объеме ограниченных ядерных ударов баллистических ракет США. Такие удары связаны с системами, которым отведено приоритетное место в «Обзоре ядерной политики» 2018 г., включая: БРПЛ Trident-2 с боеголовками пониженной мощности, крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (LRSO – long-range stand-off missile), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда В-61-12 и перспективные крылатые ракеты морского базирования в ядерном оснащении [Nuclear Posture Review 2018, pp. xi–xiv].
- Если будет денонсирован ДРСМД, то к списку этих угроз прибавятся высокоточные маневрирующие баллистические, крылатые и гиперзвуковые ракеты средней дальности наземного базирования в ядерном и (или) обычном оснащении.

Первая и вторая задачи должны, видимо, выполняться с помощью имею-

20 Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. (2016) Аэростат – друг «Сармата» // Военно-промышленный курьер. № 39(654).

21 Сопровождение о выполнении госпрограммы вооружения на 2011–2020 гг. (2013) // Сайт Президента России. 19 июня 2013 // <http://kremlin.ru/events/president/news/18368>, дата обращения 30.11.2018.

щихся мобильных систем С-400 и перспективных комплексов С-500, а также средств ПВО ближнего действия (точечных объектов) типа «Панцирь-С». Выполнение третьей задачи, скорее всего, поручается вышеупомянутым зенитным ракетным комплексам и следующему поколению антиракет «Нудоль», входящим в состав ПРО Московского региона А-235.

При всей схожести примененных технологий стратегические оборонительные системы США и России крайне несимметричны по стратегическим характеристикам. Американская система более продвинута технически и существенно более заметна в международно-политическом отношении, но предназначается для выполнения узко сформулированных задач, таких как защита территории США (и Канады) от ограниченных ударов с применением межконтинентальных баллистических ракет и оборона союзников США в Европе и Тихоокеанском регионе от ограниченных ударов с применением баллистических ракет средней дальности.

Российская Воздушно-космическая оборона намного шире: она представляет собой эшелонированную и многоцелевую систему для защиты России и ее ближайших союзников (Белоруссии, Армении) от продолжительной наступательной операции США/НАТО с применением обычных вооружений и от ограниченных ядерных ударов с использованием баллистических и крылатых ракет, запускаемых извне зоны ПВО, самолетов, бомб свободного падения и планирующих гиперзвуковых вооружений, а в будущем, возможно, и от орбитальных систем. Российская оборонительная стратегия, очевидно,

увязывается с планированием операций на суше, в воздухе, на море, в космосе и киберпространстве.

На данный момент серьезные политические противоречия, глубокое взаимное недоверие препятствуют любому конструктивному диалогу по контролю над вооружениями в целом и противоракетной обороне в частности. Денонсация ДРСМД со стороны США может только углубить этот кризис. Однако в случае улучшения политической обстановки или если переговоры по контролю над вооружениями будут сочтены достаточно важным делом, чтобы оградить их от остальных противоречий, некоторые стратегические перемены могут способствовать будущим соглашениям.

Новые российские баллистические и гиперзвуковые системы, о которых говорил в марте 2018 г. Владимир Путин, позволяют в известной степени снять оправданную (или преувеличенную) тревогу России по поводу ПРО США. Так, в своем интервью корреспонденту NBC Мегин Келли 2 марта 2018 г. президент Путин сказал: «У нас скоро заканчивается срок действия СНВ-3... Мы согласны на сокращение... носителей, сокращение боеголовок. Но теперь, когда у нас появляется оружие, которое легко преодолевает все системы ПРО, для нас не так критично снижение количества баллистических ракет и боеголовок»²².

Что касается США, то их заинтересованность в продолжении стратегических переговоров с Россией может быть продиктована стремлением ограничить новые российские программы баллистических, гиперзвуковых и под-

22 Интервью американскому телеканалу NBC (2018) // Сайт Президента России. 10 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/57027>, дата обращения 30.11.2018.

водных ядерных вооружений и обеспечить прозрачность в этой области. Указанный мотив может дополняться тенденцией перемещения акцента военных программ США на гонку вооружений с Китаем.

Россия никогда конкретно не формулировала свою позицию по ограничению ПРО, и трудно сказать, есть ли у нее такая позиция в настоящее время. Но при наличии у обеих сторон политической воли и при более благоприятной политической ситуации внутри США страны могли бы в обозримом будущем прийти к некоему компромиссному варианту.

В основе такого решения может лежать согласованный пороговый уровень для разграничения между ПРО, которая способна ощутимо повлиять на стратегическую стабильность за счет способности перехватывать большое число американских или российских МБР и БРПЛ, и системами обороны, которые позволят России и США защититься от ударов третьих государств и преступных режимов и укрепят их обоюдную безопасность. Первая категория будет подлежать ограничению, а второй будет дан «зеленый свет». Более того, применительно к обороне второго класса вновь откроется возможность сотрудничества в развитии элементов систем ПРО двух держав, что было декларировано в 2002 г., но так и не воплотилось в жизнь до настоящего времени.

Список литературы

Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации (2003). М.: Агентство «Военинформ» Минобороны РФ.

Военная доктрина Российской Федерации (2014). Утверждена указом Президента России от 25.12.2014

№ Пр-2976 // <http://docs.cntd.ru/document/420246589>, дата обращения 30.11.2018.

Демин А., Ашурбейли И., Богданов О., Третьяков Ю., Гареев М., Фаличев О. (2012) Серьезной угрозе – адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространство // Воздушно-космическая оборона. № 4. С. 6–15.

Пырьев В., Дворкин В. (2012) Программа США/НАТО и стратегическая стабильность // Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? М.: Московский центр Карнеги. С. 173–192.

Суханов С. (2010) ВКО – это задача, а не система // Воздушно-космическая оборона. № 2. С. 6–13.

Уилкенинг Д. (2012) Поэтапный адаптивный план США/НАТО // Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? М.: Московский центр Карнеги. С. 102–116.

Юрий Соломонов: «Стратегические ядерные силы являются наиважнейшей составляющей национальной безопасности государства» (2011) // Национальная оборона. № 6(63). С. 82–88.

Acton J. (2013) Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike, Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

McNamara R. (1968) The Essence of Security: Reflections in Office, New York: Harper and Row.

Nuclear Posture Review (2018), Washington, DC: Office of the Secretary of Defense.

Podvig P. (2013) The Development of Soviet and Russian Ballistic Missile Defense in the 20th Century // Missile Defense: Confrontation and Cooperation (eds. Arbatov A., Dvorkin V., Bubnova N.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 33–50.

USA: New Realities

The Peculiarities of the National Missile Defense

Aleksei G. ARBATOV

Full Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in History, Head of the Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: arbatov@imemo.ru

CITATION: Arbatov A.G. (2018) The Peculiarities of the National Missile Defense. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 6–20 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-6-20

ABSTRACT. *The view of both Moscow and Washington on ballistic missile defense (BMD) for a long time rested on the principle, formulated in the late 1960s, which held that anti-missile systems for defense of the territories were destabilizing, therefore limiting them would strengthen strategic stability. Since that time the USSR and then Russia always adhered to this principle, while the US at times rejected it (i.e. the SDI program of the 1980s) and by now has finally given it up altogether.*

Meanwhile, the majority of the independent leading experts assess the chances of the existing US missile defense to tangibly affect Russia's nuclear strike capability as extremely low. However, the US unilateral withdrawal from the ABM Treaty in 2002 seriously undermined political trust between Moscow and Washington. The unwillingness of the US to provide Russia with a legally binding commitment not to direct its BMD system against it (including technical constraints) contributes to the problem. In addition, the US missile defense system is being built as an open-ended system with no future restrictions on its expansion and improvement.

Russia has responded to the creation of the US national missile defense system with the modernization of its strategic nuclear forces

and initiation of its own Air-Space Defense (ASD) system.

The difference of the concepts of the BMD system development in the United States and the ASD system in Russia lies in that the US system is intended to defend against limited attacks of intercontinental ballistic missiles against the North American continent or of medium-range missiles against the US allies in Europe and the Pacific region. The Russian ASD is a multilayered system designed to protect against a protracted air-space offensive by the US/NATO involving high-precision conventional weapons (including future hypersonic and space-based systems) and limited use of nuclear weapons.

Although there has been a long break in a meaningful US-Russian dialogue on missile defense, it is still possible to reach some positive agreements. If the US and Russia resume negotiations on limitation and reduction of strategic offensive arms, it might open a window for a compromise on missile defense.

Such a compromise can be based on an agreed threshold separating, on the one hand, missile defense systems that can significantly affect strategic stability by intercepting a large number of US or Russian ICBMs and SLBMs and, on the other hand – systems that will allow the US and

Russia to protect their territories against attacks by third states or rogue regimes and would thus strengthen their mutual security. The first class of BMD systems would be subject to restrictions, while the second one would be given a green light. Moreover, in the second case there would reemerge an opportunity of the development of a joint defense systems of the two powers, which was declared in 2002 but never came true.

KEY WORDS: missile defense, air-space defense, strategic stability, strategic arms limitation and reduction negotiations, crisis of the strategic arms control, foreign policy

References

- Acton J. (2013) *Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike*, Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Aktual'nye zadachi razvitiya Vooruzhennykh Sil Rossijskoj Federatsii [The Priority Tasks of the Development of the Armed Forces of the Russian Federation] (2003), Moscow: Agency Voeninform, Ministry of the Defense.
- Demin A., Ashurbejli I., Bogdanov O., Tretyakov Yu., Gareev M., Falichev O. (2012) Ser'eznoj ugroze – adekvatnyj otvet. Osnovnoj sferoj vooruzhennoj bor'by stanet vozdushno-kosmicheskoe prostranstvo [An Adequate Response to Serious Danger. Air-Space Domain Will Be the Main Battlespace]. *Vozdushno-Kosmicheskaya Oborona*, no 4, pp. 6–15.
- McNamara R. (1968) *The Essence of Security: Reflections in Office*, New York: Harper and Row.
- Nuclear Posture Review* (2018), Washington, DC: Office of the Secretary of Defense.
- Podvig P. (2013) The Development of Soviet and Russian Ballistic Missile Defense in the 20th Century. *Missile Defense: Confrontation and Cooperation* (eds. Arbatov A., Dvorkin V., Bubnova N.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 33–50.
- Pyrev V., Dvorkin V. (2012) Programma SShA/NATO i strategicheskaya stabil'nost' [The U.S./NATO Program and Strategic Stability]. *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Missile Defense: Confrontation and Cooperation?] (eds. Arbatov A., Dvorkin V.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 173–191.
- Sukhanov S. (2010) VKO – eto zadacha, a ne sistema [VKO: not a System, but a Task]. *Vozdushno-Kosmicheskaya Oborona*, no 2, pp. 6–13.
- Voennaya doktrina Rossijskoj Federatsii. Utverzhdena ukazom Prezidenta Rossii ot 25.12.2014 № Pr-2976* [The Military Doctrine of the Russian Federation Presidential Decree No 2976] (2014). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420246589>, accessed 30.11.2018.
- Wilkening D. (2012) Poetapnyj adaptivnyj plan SShA/NATO [The U.S./NATO Phased Adaptive Approach]. *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Missile Defense: Confrontation and Cooperation?] (eds. Arbatov A., Dvorkin V.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 102–116.
- Yury Solomonov: «Strategicheskije yadernye sily yavlyayutsya naivazhnejšej sostavlyayushhej natsional'noj bezopasnosti gosudarstva» [Yury Solomonov: “Strategic Nuclear Forces are the Most Important Component of the National Security”] (2011). *Natsional'naya oborona*, no 6(63), pp. 82–88.